

Глава 7

Проблема экспансии демократии

Середина 70-х годов ознаменовалась началом революционного движения в странах южной Европы — Греции, Испании и Португалии. Народы этих стран вступили в борьбу за демократию против господствующих там диктаторских режимов. Началась своего рода демократическая волна, которая охватила многие страны по всей планете. В период с конца 80-х годов до начала 90-х годов, совпавший с окончанием холодной войны, продолжилась экспансия демократической политической системы, демократических институтов, ценностей, установок и норм. Впечатляющих успехов в борьбе за демократию добились страны Латинской Америки. Поистине гигантский прорыв в этом направлении был сделан после распада СССР и советского блока. Произошла серия антитоталитарных революций в странах Восточной Европы и республиках Советского Союза. Обращение бывших коммунистических стран к Западу убедило многих в том, что расширение и консолидация демократий стали господствующей и долговременной тенденцией мирового развития.

7.1. Что понимается под экспансией демократии?

Для обозначения вновь появившихся режимов был введен специальный термин "новые демократии". Борьба за установление Демократических режимов охватила как будто весь земной шар, включая и черную Африку. На этом континенте буквально за несколько лет после 1989 г. господствовавшие там авторитарные или однопартийные режимы вступили в полосу глубокого кризиса, и, казалось, демократия добилась заметных успехов. В течение 1991-1992 гг. во многих африканских странах (Бенине, Буркина Фасо, Камеруне, Капо Верде, Конго, Кот-д'Ивуаре, Джибути, Мадагаскаре, Мавритании, Намибии, Нигере, Замбии, Гамбии, Гвинее, Кении, Сенегале) были проведены выборы на многопартийной основе. Правда, надо признать, что в некоторых из этих стран, например в Мадагаскаре, Анголе и Кении, законность и Честность выборов были поставлены под сомнение, а в ряде других стран господствовавшие ранее партии сумели сохранить за со бой контроль.

На Филиппинах, Тайване, в Южной Корее, Пакистане и Бангладеш на смену авторитарным режимам пришли демократически избранные правительства. Аналогичные сдвиги произошли в арабских странах — Йемене, Иордании, а также в Албании Монголии, Непале.

Подытоживая эти факты, организация "Фридом Хауз", которая публикует результаты ежегодного анализа состояния свободы в мире, зафиксировала, что если в 1972 г. в мире насчитывалось 42 свободные страны, то в 1991 г. их число возросло до 75.

В 1989 г. появилась шумевшая в тот момент статья Ф.Фукуямы "Конец истории", в которой провозглашались окончательная победа западной либеральной демократии во всемирном масштабе и соответственно "конец истории". Так ли это?

Поиск ответа на этот вопрос поднимает массу кардинальных проблем современного мирового развития, каждая из которых требует самостоятельного исследования. Здесь дается лишь самое общее представление о тенденциях, процессах и перспективах распространения и утверждения демократических институтов в новых странах и регионах современного мира. Речь идет прежде всего о том, сводятся ли процессы, происходящие в экономических, социальных, политических и иных структурах этих регионов и стран, к вестернизации или механическому перенесению сюда западных институтов, ценностей и идеалов? Являются ли эти процессы показателем полной и окончательной победы Запада и западной цивилизации над остальной ойкуменой и соответственно показателем "конца истории"? Или же мы имеем дело с более глубинными и сложными вещами, а не просто с победой одного "изма" над другим?

7.2. Соотношение рыночной экономики и демократии

В этом аспекте вновь возникает вопрос о совместимости западных и восточных культур и традиций, их способности идти навстречу друг другу и дополнять одна другую. При любом угле зрения в фокусе внимания оказывается вопрос о совместимости принципов либерализма, демократии и рыночных отношений с основополагающими ценностями, нормами и установками восточных народов и культур

Рассмотрим сначала проблему взаимосвязи между демократией и свободным рынком, капитализмом и демократической системой правления. Как указывалось выше, базовым

постулатом либерализма стала идея о прирожденных, неотчуждаемых правах каждого человека на жизнь, свободу и собственность. Неразрывная взаимосвязь этой триады выражается в убеждении, что частная собственность — это основа индивидуальной свободы, которая в свою очередь является необходимым условием самореализации отдельного индивида, выполнения им главного предназначения его жизни. Между этим постулатом, который в сфере экономики воплощается в принципах свободного рынка, и теорией политической демократии действительно существует имманентная взаимосвязь. Особую актуальность данной проблеме в наших глазах придает то, что одним из существенных факторов, препятствующих демократическому переустройству политической системы России, является отсутствие инфраструктуры рыночной экономики.

Поэтому неудивительно, что, рассматривая рыночную экономику как необходимое условие утверждения и институционализации демократии, у нас зачастую проводится не без определенных оснований прямая аналогия между ними. И действительно, демократическое государство является гарантом существования и эффективного функционирования рыночных отношений и свободной конкуренции, самого капитализма как социально-экономической системы. Освобождая людей от внеэкономических форм принуждения, ликвидируя всякого рода сословные и номенклатурные привилегии в данной сфере, демократия создает наилучшие условия для реализации экономической свободы индивидуального члена общества. Заклучая рынок в рамки закона и порядка, делая его объектом правового регулирования, демократия призвана обеспечить легитимность свободнорыночных отношений. В этом смысле свобода есть функция нормально работающих институтов собственности и законности.

Вопрос о соотношении частной собственности, свободы экономической и личной свободы, составляющий квинтэссенцию идеи Демократии, требует самостоятельного исследования. Здесь вкратце затронем лишь ряд вопросов, имеющих самую тесную связь с рассматриваемой проблемой.

Во второй половине 50-х — в 60-х годах ряд исследователей на основе сравнительного изучения процессов социально-политического развития в разных странах пришли к выводу, что уровень индустриализации и модернизации, совокупного общественного продукта на душу населения, грамотности населения и т.д. неразрывно связан с политической демократизацией.

Суть этого тезиса предельно четко сформулировал С.М.Липсет [135,с.31]. "Чем больше нация преуспевает экономически, тем больше шансов для того, чтобы эта нация стала демократической". По его утверждению, для того чтобы процесс демократизации стал необратимым и жизнеспособным, необходимы десятилетия непрерывного экономического роста. Дееспособная и эффективно функционирующая демократия в свою очередь закладывает основу для утверждения законности и прочности власти, включая демократические правила политической игры. Действительно, к началу 70-х годов наблюдалась четкая корреляция между уровнем экономического развития и типом политической системы. Экономический рост, увеличение совокупного национального дохода на душу населения способствуют расширению круга состоятельных лиц и особенно среднего класса, росту образовательного уровня, появлению новых центров власти и влияния, расширению возможностей для экономического выбора, возникновению более сложных взаимоотношений между гражданами страны и т.д. Показательно, что в эти годы Испания являлась единственной страной из 19 индустриально развитых стран с рыночной экономикой, в которой господствовал авторитарный режим.

В 60-х — 70-х годах некоторые страны Латинской Америки и Восточной Азии с авторитарными режимами добились внушительных успехов в сфере экономики, но не претерпели каких-либо заметных сдвигов в сторону политической демократии. Более того, имело место возрождение авторитаризма в ряде стран третьего мира, особенно в Латинской Америке. Это, естественно, поколебало тезис С.Липсета. Стали говорить о том, что экономический рост и более справедливое распределение благ следует рассматривать не как предпосылку, а наоборот, как результат демократических преобразований в политической сфере. Некоторые авторы отстаивали мнение, что экономический рост лучше обеспечивается авторитарной властью, чем демократической.

Но положение дел в этом плане заметно изменилось с середины 70-х годов, когда, как говорилось выше, обозначился сдвиг в сторону демократизации группы стран в различных регионах земного шара. Анализ опыта этих стран убедительно показывает, что в основном, за исключением богатых ресурсами нефтедобывающих стран, более или менее жизнеспособные демократические режимы утвердились именно в наиболее социально-экономически благополучных странах.

При всех возможных здесь оговорках эффективно функционирующая демократия так или иначе связана с более или высоким уровнем экономического развития, определяющим такие важные

параметры жизненных стандартов, как уровень урбанизации, потребление энергии, процент внутреннего национального продукта, идущий на здравоохранение, образование и науку» отсутствие резких социальных контрастов и т.д. Все это зависит от степени развития рыночных отношений. При этом необходимо учесть, что взятые сами по себе свободнорыночные отношения при определенных условиях могут создать препятствия для эффективной реализации принципов плюралистической демократии, привести к подрыву или по крайней мере к ослаблению демократических норм и правил игры.

Об этом не следовало бы забывать нашим политикам и представителям гуманитарных и социальных наук, особенно тем, которые полагают, что установление рыночных отношений автоматически приведет к утверждению демократических принципов в политической сфере. Весь мировой опыт XX столетия убедительно свидетельствует, что нередко капитализм, возможно и деформированный, вполне совмещался с подлинно тираническими формами правления. Не секрет, что при нацистском режиме в Германии, фашистском в Италии, франкистском в Испании и т.д. диктаторские политические машины были созданы на капиталистической инфраструктуре, хотя она и была подчинена всемогущему государству. Наиболее свежий пример такой амальгамы дает пиночетовский режим в Чили. Как известно, в сентябре 1973 г. генерал А.Пиночет пришел к власти на штыках мятежной армии, которая была недовольна социальными преобразованиями социалиста С.Альенде, шедшими в определенной степени вразрез с интересами деловых кругов страны. Пиночет и возглавляемая им военная хунта в полном объеме (насколько это было возможно в чилийских условиях) восстановили эти привилегии. Более того, они привлекли в качестве архитектора экономики страны одного из решительных сторонников рыночных отношений и жестких форм монетаризма М.Фридмана. Пиночетовский режим наиболее наглядно показал, что капитализм и рыночные отношения необходимые, но недостаточные условия для утверждения политической демократии. А мало ли было и до сих пор существуют режимов, в которых авторитаризм в политике органически сочетается с рыночной экономикой?

Признание неудачи командно-административной экономики и предпочтение рынку и демократии не должны привести к забвению того, что значение этих категорий варьируется от страны к стране. Неудача реформ Горбачева и одновременный успех экономических преобразований в ряде азиатских стран, но в Китае, воочию свидетельствуют о необоснованности согласно которому утверждение рыночной экономики предполагает в качестве своего предварительного условия утверждение демократии. На первый взгляд парадокс состоит в том, что в последние годы наиболее успешным переход к рыночной экономике был при авторитарных режимах. Можно со всей ответственностью утверждать, что рыночная экономика в принципе совместима со всеми политическими режимами. Иначе говоря, ставя понятия "рынок" и "демократия" рядом забывают о том, что рынок и демократия не обязательно идут рука об руку. Либерализм, в том числе и современный экономический либерализм, самым тесным образом связан с демократией. Но все же демократия не сводится к либерализму. Более того, интегрировав в себя важнейшие демократические принципы, либерализм за прошедшее столетие неузнаваемо трансформировался. Если либерализм, взятый сам по себе, базируется на идеях приоритета и самоценности отдельно взятой личности, ее основополагающих правах и свободах, то демократия предполагает суверенитет или верховенство народа, политическое равенство всех граждан, приоритет воли большинства и т.д. С определенной долей упрощения можно сказать, что либерализм отдает предпочтение свободе перед равенством, а демократия — равенству перед свободой.

В последние десятилетия XIX-XX вв. произошло органическое слияние этих двух начал — либерализм, равно как и другие течения общественно-политической мысли, интегрировал в себя идеи, принципы и ценности демократии. Изначально присущий ему индивидуализм был в значительной степени модифицирован и уравновешен признанием значимости коллективного начала и позитивной роли государства в жизни общества. В противовес концепции государства — "ночного сторожа" была выдвинута концепция государства благосостояния, которая проповедовала идею о необходимости и возможности преодоления социальных конфликтов посредством обеспечения с помощью государственного вмешательства сносных условий жизни для всех слоев населения (реализацией программ социальной помощи низкодородным и неимущим слоям населения, принятием мер, направленных на решение проблем безработицы, и т.д.).

Другими словами, в современных условиях либерализм в значительной мере пронизан социальным началом и его ни в коем случае нельзя отождествлять ни с классическим

либерализмом» ни с сегодняшним экономическим либерализмом чикагской школы. Тем более нельзя отождествлять с последними демократию. То что же понимается под демократией?

7.3. Демократия как народовластие

Необходимо иметь в виду следующий весьма важный, но не всегда учитываемый момент. Как известно, термин "демократия" дословном переводе с древнегреческого языка означает "народовластие" или "власть народа". В этом смысле важнейшим признаком демократии является признание народа каждой конкретной страны носителем верховной власти. При этом разные народы могут по-разному трактовать содержание и формы народовластия. Имеются существенные разночтения в понимании демократии в античном мире и на современном Западе. Почему мы должны исключать разное ее понимание в разных культурах и у разных народов в наши дни?

Чтобы положительно ответить на данный вопрос, достаточно взглянуть на политическую карту Западной Европы и Северной Америки, где базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разнообразных политических режимах, соответствующих национально-культурным, историческим и иным традициям стран и народов региона. Почему подобным же образом нельзя допустить, что народовластие в странах других регионов, в том числе и России, может иметь несколько иное содержание, параметры и конфигурацию, чем, скажем, у американцев, французов, англичан и др.?

Демократия продемонстрировала способность приспосабливаться к самым различным национально-культурным условиям. Но при этом нужно подчеркнуть, что привитие и институционализация демократических форм политической самоорганизации общества на той или иной национальной почве отнюдь не может сводиться к механической трансплантации готовых норм, принципов и институтов западной демократии. Существуют нормы, Ценности и институты, которые в силу своей исторической и политико-культурной специфики не могут быть воспроизведены в чистом виде вне их первоначального контекста. В массиве национального сознания существуют базисные, врожденные элементы, которые определяют сам дух, менталитет, характер данного народа и не могут не накладывать родовую печать на его политическую систему. Перспективы модернизации и демократизации в значительной степени зависят от состояния сознания народа, степени его готовности принять и реализовать основные принципы и нормы рынка и политической демократии. Иначе говоря, необходимо, чтобы каждый народ созрел для соответствующих форм и механизмов политической самоорганизации, а это достигается в результате длительного исторического опыта.

В данной связи необходимо учесть, что формирование и институционализация рыночной экономики и особенно политической демократии на Западе заняли несколько веков. Основными поворотными пунктами этого длительного процесса стали Англия екая буржуазная революция середины XVII в. и так называемая Славная революция 1688 г. Война за независимость США 1776-1783 гг., Великая французская революция конца XVIII в серия буржуазных революций середины XIX в. и т.д. Если в США республиканский строй с либерально-демократическими институтами установился в конце XVIII в., то во Франции он окончательно установился только в конце XIX в. Что касается Италии и Германии, то здесь демократия окончательно утвердилась только после второй мировой войны, а в трех южноевропейских странах — Греции, Португалии и Испании — лишь с середины 70-х годов. В Восточной Европе дорогу демократизации открыли антитоталитарные революции конца 80-х годов и развал Советского Союза в 1991 г. Демократия может утвердиться и институционализироваться на конкретной национальной почве лишь в том случае, если общепринятые демократические ценности и нормы станут поведенческими установками большинства населения. Но чтобы стать действительным демократом, человек должен родиться, вырасти, социализироваться в соответствующей социокультурной среде. Природа человека такова, что он не может не идентифицировать себя с определенной культурой, традициями, с чем-то таким, что вызывает в нем гордость за собственные язык и символику и т.д. Западные образцы государственности базируются на гражданском обществе, в основе которого лежит принцип приватности и раздельности между разнообразными, зачастую конфликтующими частными интересами. Идея демократии в ее евроцентристском понимании зиждется на постулате, согласно которому индивид важнее группы. Здесь более актуален вопрос об индивидуальных правах и свободах. Иное дело на Востоке. " Большинство восточных стран приоритет отдается групповым правам и интересам. Но правомерно ли на этом основании утверждать, что демократический путь развития противопоказан этим странам?

Правильный ответ на данный вопрос предполагает поиски ответов на ряд других вопросов. Прежде всего важно определить, что мы конкретно понимаем под демократией и совместима ли она с коллективистским, солидаристским, групповым и иным началами, ассоциируемыми с Востоком, а с определенными оговорками и с Россией.

7.4. Совместима ли демократия с незападными культурами?

Здесь прежде всего следует подчеркнуть, что в принципе некорректно рассматривать восточные культуры как коллективистские, а западные — как индивидуалистические, при этом ассоциируя первые исключительно с пассивностью и застоєм, а вторые — преимущественно со способностью к развитию. Однако, как представляется, коллективистское и индивидуалистическое начала, взятые сами по себе, присутствуют во всех культурах, как в восточных, так и западных, но выражаются и проявляются они с разной интенсивностью. В этом смысле можно говорить лишь о преобладании (а не о полной монополии или об отсутствии) в том или ином регионе или стране того или иного начала.

Но дело не только в этом. Если вникнуть в сущность ценностей, норм и установок демократии, то обнаружится, что в них отсутствует какое бы то ни было противопоставление коллективизма индивидуализму, солидаризма эгоизму, государственного вмешательства рыночному началу. В этом контексте интерес для нас представляет опыт Японии и некоторых других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

По сей день не затихают дискуссии относительно того, насколько укоренилась демократия в Японии и можно ли назвать институционализировавшуюся там политическую систему демократией в общепринятом смысле слова. Это во многом объясняется характерным для японской демократии национальным колоритом, который действительно отличает ее от западных моделей демократии. Констатируя ее историческое своеобразие, специалисты говорят о существовании демократии японского типа, которая представляет собой некий гибрид, возможно, превосходящий оригинал, т.е. западную модель, по своей жизнестойкости и продуктивности.

В поисках причин, способствовавших бурному развитию японской экономики, многие исследователи обнаружили сходство отдельных базовых элементов японской культуры с западной культурой. Начало такому подходу, собственно говоря, положил японский ученый К. Наито в 1941 г., который аналогично М. Веберу, проанализировавшему роль протестантизма в формировании капиталистического духа, пытался выявить роль этики буддийской секты "Дзедо Синсэй" в модернизации Японии. Эту линию продолжили западные исследователи, в частности известный американский социолог Р. Белла в книге "Религия Токугава". Как считал американский японовед М. Дзе [129, с. 3],

...японское трудолюбие, бережливость и дисциплина, близкие протестантской этике, имели глубокие корни в японских обычаях и идеях, не обязательно связанных с каким-то особым религиозным опытом. Фактически вполне возможно, что экономическое развитие индустриализация Японии произошли бы независимо от традиционных японских ценностей.

В учении буддийской секты "Дзедо Синсэй" можно найти ряд наставлений вроде: "Бодрствуй и не уклоняйся от усердного труда утром и вечером", "Будь умерен в бесцельной роскоши", "Работай усердно дома", "Не играй в азартные игры" и др., которые весьма напоминают наставления Б.Франклина в его знаменитом "Альманахе Бедного Ричарда". Вместе с тем во всех восточных религиях можно встретить доводы в пользу таких добродетелей, как трудолюбие, бережливость, прилежание, умеренность, преданность и т. д. Х.Накамура даже нашел соответствие западным, особенно протестантским идеям индустриализма, модернизма, трудовой этики, призвания и т.д. в учении дзэнского монаха С.Судзуки (1576—1655), который, в частности, считал, что всякое дело является испытанием веры и все профессии — проявление Божественного Абсолюта. По его мнению, наилучший путь буддийской религиозной практики — это преданность земным делам человека, его трудовому призванию (совсем как у М.Лютера). Интересны с этой точки зрения взгляды создателей китайской версии социал-реформистской концепции государственного социализма в начале нынешнего столетия Чжан Цзюньма и Чжан Джунсуна, которые, как отмечал В.Г.Буров, руководствовались идеей "синтеза западной (буржуазной) философии и китайской традиционной идеологии, главным образом конфуцианства". Разрабатывая свою концепцию личности под влиянием западных идей, Чжан

Джунсунь тем не менее утверждал, что такие элементы китайской традиции, как признание важности индивида и уважение к человеческому достоинству при соответствующем развитии могут сблизиться с западными концепциями личности. А аналогии западной концепции свободы он находил в китайской идее "самоудовлетворения" (изыдэ), достигаемого, когда "каждый следует своей природе" и в гармонии с разумом" [9, с. 40] было бы непростительным и недопустимым упрощением свести факты модернизации Японии, равно как и других стран Азиатско - Тихоокеанского региона, к тем элементам их социокультурной матрицы, которые имеют свои аналоги в культуре и менталитете Запада. В действительности при близком рассмотрении «частую подобные рассуждения оказываются лишь поверхностными, не затрагивающими сущностные характеристики системо-образующих компонентов менталитета народов этих стран. Уже сами приведенные выше характеристики свидетельствуют о том, что в базовой ткани общества и менталитета народов этих стран присутствуют те элементы, которые при соответствующих условиях готовы к восприятию и воспроизводству ценностей и отношений рынка и политической демократии. Как будет показано ниже, этим ценностям и отношениям отнюдь не противоречат и те базовые компоненты менталитета и традиций, которые принято считать чисто восточными.

Остановимся на некоторых из них. Как показывают многие исследования, в отличие от иудео-христианской и исламской традиций, которые основываются на вере в единого трансцендентного бога, ценностные системы в японской и китайской традициях характеризуются преимущественной ориентацией на посюсторонние проблемы. К тому же как конфуцианству, так и буддизму чужд монотеизм, что делало их в сущности открытыми вероисповедальными системами, хотя буддизму не чужда вера в трансцендентную божественность.

Большой интерес представляют данные исследования японского политолога Т.Ишиды. По его мнению, особенность японской традиции в ипостасях (японизированного буддизма или синтоизма) состоит в том, что вера в бессмертие государства породила у японцев самоотверженную преданность государству, доходящую до его обожествления. Преданность роду или семейной чести (ie), почитание предков породили идею, согласно которой отдельный индивид не должен быть озабочен проблемой своего благосостояния сейчас, а обязан верить в бессмертие ie и добровольно жертвовать собой за его честь. Даже культ императора, Вера в его божественность вытекали из убеждения, что он символизировал бессмертие государства. В свете этого определенный интерес представляет отличие японской традиции от китайской, для которой присуща вера в некие универсалистские идеи вроде идеи t'ien (небо). В глазах китайцев изменение "мандата неба" означало потерю правительством легитимности, и это служило оправданием его смены или революции. Показательно, что китайское выражение, означающее революцию, звучит буквально так: "изменение мандата неба". Эта идея использовалась для оправдания смены династии post factum [128, с. 31-37]. В Японии данная идея не прижилась, поскольку здесь императорская власть не имела иного источника легитимности, кроме как убеждения в том, что она существовала с начала времен. С этой точки зрения китайская традиционная ценностная система является более универсалистской, а японская - более партикуляристской, хотя обе они принадлежат к одной и той же системе ценностных ориентации.

Обращает на себя внимание тот факт, что японцы всегда проявляли большую готовность принять иноземные элементы, если они были полезны для развития страны или усиления позиций правящего класса. Как писал Т.Ишида, уже в VI в. Япония заимствовала иноземные элементы из китайской, индийской (буддизм через Китай и Корею) и других культур. По мнению специалистов, превращение иностранных заимствований в нечто по сути японское уже само по себе является японской традицией. В силу этой традиции различные европейские "измы" были органически интегрированы в структуру японского менталитета. Это, по-видимому, облегчалось прежде всего отмеченным выше отсутствием здесь трансцендентализма и монотеизма, что служило фактором, в определенной степени амортизирующим возможный конфликт с автохтонной японской культурой. Христианство с его единобожием создало определенные проблемы. Показательно, что даже в наше время численность христиан в Японии составляет лишь 1 % всех верующих.

Однако следует отметить и то, что первоначально при переводе на японский язык трудов западных авторов (Дж.С.Милля, Ж.-Ж. Руссо, Ш. -Л. Монтескье и др.) переводчики Страны Восходящего Солнца столкнулись с большими, зачастую почти непреодолимыми трудностями, особенно при переводе таких терминов, как "личная свобода", "личные права", "либерализм" и др. Среди всех "измов" в Японии либерализм первым получил значительную популярность,

особенно среди представителей движения за свободу и права народа в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в>

Однако уже сам перевод термина "либерализм" оказался сопряжен с большими трудностями. Китайский термин "tzuu" (японское произношение "jiu"), как правило, используемый для перевода слова "свобода", с древних времен означает эгоистический, "корыстный" и в целом имеет отрицательный оттенок. Это, естественно, создавало проблему. В 1869 г., Когда Ю. Фукудзава написал свою работу "Ситуация на Западе", которая включала в себя "Декларацию независимости", он просил читателя не интерпретировать термин "jiu" как "эгоизм". Он объяснял, что использует данный термин из-за отсутствия соответствующего, японского термина, который бы аутентично передавал содержание английского слова "freedom" или "liberty". В Китае, чтобы избежать такого непонимания, предпринимались попытки заменить "tzuu" другими терминами. При всем том в обеих странах термин "tzuu/jiu" стал популярным при защите и поощрении политических достижений против авторитарного правления [128, с. 70-71].

В культурной матрице многих восточных народов имеется несколько начал, вступающих в диалог друг с другом. Характерно, что, например, в Китае один из минских императоров издал специальный эдикт, согласно которому Конфуций, Лаоцзы и Будда объявлялись покровителями Поднебесной. Показательно также то, что в Индии и Китае не было религиозных войн, подобных тем, которые время от времени возникали в Европе. Поэтому невозможно себе представить китайский, индийский или японский аналоги инквизиции.

Что касается Японии, то для нее характерна особая форма культурного плюрализма, отличная от западных форм. Как писал профессор Осакинского университета Я. Масакадзу [136, с. 38—46],

...западный плюрализм с его полной интеграцией различных влившихся в него элементов можно сравнивать с легированием металлов или с химическим соединением. В отличие от этого в Японии, элементы хотя и вступали в тесную связь друг с другом, но сохраняли все же свою самобытность, как это имеет место в ткани из смешанной пряжи.

В западном культурном плюрализме гомогенные единицы или группы базируются на едином основании, например на христианстве (хотя в последнем и выделяются различные направления). В Японии, напротив, обнаруживается плюрализм гетерогенных единиц или групп, воззрения которых базируются на различных основаниях. Наряду с буддизмом и синтоизмом здесь определенную роль играет христианство, причем их сосуществование не приводило к каким-либо формам противостояния. Сущность японского плюрализма выражается в сочетании сосуществовании различных вкусов, форм ментальности, обычаев, стилей жизни в одной и той же личности. Показательно, например, то, что многие японцы выполняют обряды, связанные с рождением ребенка или бракосочетанием, по синтоистскому ритуалу, хоронят покойников согласно буддийским обрядам, в их повседневной жизни преобладает конфуцианская мораль, в то время как во многих японских семьях пустила корни христианская этика.

Имеет место приверженность одних и тех же лиц двум или более религиозным верованиям.

Здесь нередки семьи, в которых есть одновременно синтоистский, буддийский и даосский алтари. Японские религиозные организации носят всеохватывающий характер и допускают наличие разнородных членов. Как правило,

у японцев синто выполняет роль интегрирующего общества начала, конфуцианство определяет житейскую мораль, а роль связующего с потусторонним миром начала играет буддизм.

В целом в японский вариант человеческого фактора экономического развития вошли такие компоненты нравственного кредо конфуцианства, как человеколюбие (жэнь), чувство долга (и), уважение к старшим (сяо), преданность (чжун), соблюдение норм общественных, внутрисемейных и групповых отношений. Христоматийной истиной стало признание большинством специалистов в качестве важной особенности японской политической культуры приверженности японцев групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям. В Японии синкретическое соединение морально-этического учения Конфуция и важнейших элементов синтоизма и буддизма составляет основу того феномена, который принято называть японским духом. По мнению некоторых исследователей, приверженность этим принципам позволила превратить "каждого японского работника в "самурая XX в.", действующего точно и энергично в соответствии с поставленной целью. Именно этот принцип стал одним из факторов экономического взлета Японии. Синтез японского духа с западным техническим гением по формуле японский дух — западная техника вылился в "японское чудо", выдвинувшее Страну

Восходящего Солнца на первые роли в мировой экономике. Симптоматично, что, учитывая эти и множество других особенностей, ряд авторов называет японскую экономическую систему некапиталистической рыночной экономикой.

В японской политике на общенациональном уровне сильны процедуры и механизмы согласования интересов и принятия решений, которые весьма напоминают корпоративистские. Это способствует усилению позиций тех сил, которые способны действовать скрыто, обходя выборные органы и представителей, используя неофициальные закулисные обсуждения и согласования» в свою очередь придает японской демократии определенные параметры корпоративной демократии. Более того, некоторые исследователи не без основания говорят о существовании некоей «Джапан инкорпорейтед», основанной на необычайной для западных стран системе тесных связей между корпорациями и государственной бюрократией. Как показывают многочисленные исследования, подобного национально-культурные особенности, послужившие в качестве несущих опор модернизации, характерны и для других стран и народов Востока (как Азиатско-Тихоокеанского, так и других, регионов). Так, по существующим данным, корейцам неестественно мыслить себя вне тех социальных коллективов, к которым они принадлежат. Как правило, они соотносят свое поведение с интересами и целями "своего" коллектива. Например, семья в которой отношения более или менее жестко регулируются нормами конфуцианской этики, представляет собой важнейшую доминанту, определяющую поведение корейца в важнейших сферах жизни. Наряду с семьей в качестве регулятора поведения корейца большую роль играют землячества, родственные, клановые, школьные, институтские и иные связи.

Очевидно, что важной особенностью политической культуры этих стран является приверженность групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям. В отличие от западной модели демократии с ее ударением на защите индивидуума от давления общества и государства, японская модель делает акцент "на самоограничении личности", стремлении контролировать ее порывы, встраивать их в систему общественных и государственных интересов.

Эти характеристики имеют мало общего с индивидуалистическими ценностями, установками и ориентациями, которые, как правило, ассоциируются с западной демократией. В целом в Японии и некоторых других странах Азиатско-Тихоокеанского региона достигнут своеобразный синтез традиции и современности. Модернизация осуществлена при сохранении важнейших традиционных начал в социокультурной и политико-культурной сферах. Здесь, в частности, сохраняется важное значение таких ценностей, как иерархия, долг, обязанность, консенсус, приверженность группе, подчинение интересов личности интересам группы, приверженность принципам корпоративизма, коммунитаризма в отношениях между фирмой и наемными работниками. При решении конфликтов часто используются неформальные механизмы принятия решений в духе патернализма, сохраняются половозростная дифференциация и неравенство в социальной и профессиональной иерархиях. Подобных особенностей можно привести еще множество.

Сказанное позволяет сделать вывод о неправомерности отождествления демократии преимущественно или даже исключительно с индивидуальной свободой. Тем более неправомерно построенные на этом постулате позиции тех авторов, которые по сути дела говорят о вестернизации восточных обществ путем механической трансплантации западных ценностей, норм, установок, прежде всего индивидуализма, рационализма и свободной конкуренции.

В данной связи интерес представляет следующий факт, в 60-х годах был популярен тезис, согласно которому конфуцианская этика была объявлена главной помехой модернизации и экономического развития стран Восточной Азии. В 80-х годах именно ее стали рассматривать в качестве чуть ли не главного фактора бурного экономического взлета так называемых новых индустриальных стран этого региона. Точно так же в наши дни стереотипным остается утверждение, что исламская культурная традиция составляет главное препятствие на пути установления демократических режимов в мусульманских странах. И это несмотря на позитивный пример Турции, Египта, Марокко, Малайзии. Здесь нельзя не отметить тот факт, что в исламе наряду со страхом перед фитной — подрывом единства и подчеркиванием роли уммы — общины важное место занимает постулат о бидъате — обновлении. Но в каком смысле трактовать это "обновление" — дело самого трактующего.

Культуры и цивилизации, продемонстрировавшие свою пригодность к истории, в самих себе черпают жизненные силы; в борьбе за самоидентичность и выживание любая культура или цивилизация конкурирует с другими, как с параллельными, так и с теми, которым они приходят

на смену. Внутри нее также происходит острая конкуренция между различными компонентами, ценностями, нормами и т.д.

Необходимо, чтобы в самой базовой ткани общества и его менталитета присутствовали те элементы, которые готовы к восприятию и воспроизводству ценностей, норм, установок демократии и рынка. Как показал опыт Японии и новых индустриальных стран, такие ценности, нормы и установки не обязательно предполагают идеи и принципы индивидуализма и личной свободы в сугубо западном их понимании. Модернизация в этих странах начиналась и осуществлялась не в условиях минимизации роли государства, как это было (во всяком случае в теории) на Западе, а в условиях авторитарного режима или сохранения его элементов. Обнаружилось, что в ряде случаев не слабое государство (или государство — "ночной сторож"), а именно, сильное централизованное государство является важнейшим эффективным фактором экономической модернизации. Государство действовало в качестве катализатора и направляющей силы необратимых процессов утверждения рыночных ценностей и отношений в экономике.

С точки зрения экономической эффективности преимущества рынка и экономического либерализма общепризнаны. Но сами по себе они не могут решить конкретные специфические социальные, демографические, экономические и иные проблемы, стоящие перед развивающимся миром. Экономический либерализм и рыночный механизм в качестве универсальных средств обнаруживают существенный изъян, когда речь идет о стимулировании экономики стран этого региона. Обоснованность этого тезиса подтверждается опытом новых индустриальных стран, где государственное вмешательство сыграло немаловажную роль в экономическом восхождении. Их успех во многом определился тем, что был найден необходимый баланс между рынком и государственным вмешательством. Всецело полагаясь на принципы свободного рынка и экономического либерализма, трудно, если не невозможно, добиться эффективного распределения естественных ресурсов. Многие новые индустриальные страны добились экономического прогресса в значительной мере благодаря протекционистской политике государства. Я.Накасонэ и его соавторы не без оснований отмечали [48, с. 190], что "если бы Япония, например, не предприняла протекционистских мер, то американские компьютерные промышленники правили бы миром, не допуская фирмы других стран на монополизированный рынок".

Для правильного понимания сущности демократии необходимо отказаться от характерного для нашей публицистики, да и определенной части исследователей отождествления демократии с либерализмом вообще и экономическим либерализмом в частности. Верно, что демократия невозможна без либерализма. Его заслуга состоит в том, что он внес первоначальный главный вклад в формулирование и реализацию основных идей, ценностей и институтов современной западной политической системы, отождествляемой с демократией: права и свободы человека и гражданина, разделение властей, подчинение государственной власти праву, парламентаризм и др. Если демократия не основывается на этих последних, то она не является демократией в собственном смысле слова. В этом контексте либерализм представляет собой Необходимое условие демократии. Поэтому и говорят о либеральной демократии, противопоставляя ее различным формам Псевдodemократии — социалистической, народной, тоталитарной и т.д. Однако нельзя забывать, что демократия не сводится исключительно к либерализму. Она не есть результат реализации Принципов, установок ценностей какого-либо одного "изма", в том числе и либерализма, как бы важен этот "изм" ни был. В противном, случае это была бы не демократия, т.е. не власть народа или во всяком случае его большинства. Власть принадлежала бы лишь части народа, придерживающейся либеральных принципов. Эффективное функционирование либеральной демократии в решающей степени определяется тем, что, интегрируя почти все жизнеспособные и показавшие свою эффективность идеи, нормы, принципы, она открыта во всех направлениях — вправо, влево в центр, в прошлое и настоящее. С этой точки зрения важный собственный вклад в формирование теории и политической системы демократии внесли и другие "измы": консерватизм, социал-демократизм, марксизм и т.д. В данном контексте, возможно, правомерно поставить вопрос в форме: индивидуальные права против прав коллектива или группы, индивидуализм против солидаризма и т.д. применительно к каждому из этих "измов", но не демократии в целом.

Проблема состоит не в том, соответствуют ли положения того или иного "изма", в том числе и либерализма, или принципа того или иного типа политического устройства критериям демократии, а в том, соответствуют ли эти положения основополагающим постулатам и критериям демократии. Поскольку народ - не некая арифметическая сумма всего множества отдельно взятых, атомистически понимаемых индивидов, а органическая совокупность множества социокультурных, этнических, конфессиональных, соседских и иных общностей, то

без них демократию как власть большинства народа невозможно представить. Это совершенно очевидно, если учесть, что подавляющая часть людей, как бы они ни отрекались от этого, идентифицирует себя с определенной группой, коллективом, сообществом. Одной из базовых установок либерализма является признание верховенства свободы личности над всеми остальными ценностями, свободы личности в качестве наиболее значимой моральной и политической ценности. Но при этом в работах большинства авторов практически без ответа остаются вопросы, касающиеся сущности свободы и условий ее обеспечения. Очевидно, что в рамках правового государства свобода без законопослушания и без ответственности отдельного человека за свои действия подпадает под понятие не свободы, а правонарушения. Золотое правило правового государства: "моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека". При таком понимании группа не всегда и не обязательно является фактором, препятствующим реализации личных прав и свобод человека. В рамках концепции прав человека представляются весьма трудными специфические проблемы национального самоопределения или обеспечения прав национальных меньшинств или так называемых нетитульных народов, проблема их автономии или равного представительства в органах власти. Группа, коллектив, этнос, государство могут играть и играют незаменимую роль при создании условий для реализации прав и свобод отдельного человека. Более того, другие организационные формы социальной и экономической власти могут оказаться в значительно большей степени губительны для свободы личности, нежели группа, коллектив, государство. Что касается нерегулируемых социальных отношений, то они могут обернуться для свободы большей катастрофой, чем даже самая тираническая власть. На микроуровне в общинных, коммунитарных, традиционалистских структурах по сути дела действует внутренняя демократия, в них существуют довольно эффективные коллективистские формы и методы принятия решений. К тому же склонность подчинять личные интересы интересам коллектива может благоприятствовать достижению консенсуса, служить своеобразным гарантом законопослушания граждан. При таком понимании гетерогенность общества, выражающаяся в существовании множества этнических, конфессиональных, родовых, клиентелистских и иных группировок, общностей и связей, не обязательно может стать фактором, препятствующим принятию и утверждению демократических принципов. Их особенности вполне могут быть интегрированы в систему политических ценностей, ориентации и норм, единую модель политической культуры, имеющей свои особые субкультуры. В этой связи интересна позиция тех авторов, по мнению которых Япония представляет собой открытое общество весьма закрытых групп. Иначе говоря, политическая макроструктура в виде парламентской демократии, конституционализма, правового государства, многопартийности и других атрибутов классической демократии создана при сохранении групповых, коллективистских начал.

7.5. О выживаемости и управляемости демократии в незападном мире

Изложенное со всей очевидностью показывает, что западные образцы государственности по-настоящему, так сказать, в первозданном евроцентристском варианте не могут институционализироваться в странах, где господствуют так называемые органические социокультурные, политико-культурные, религиозные другие традиции и формы ментальности. В то же время последние не являются непреодолимым препятствием на пути экономической и политической модернизации Востока, утверждения здесь институтов, ценностей и норм рынка, политической демократии

Поэтому в свете происходящих там процессов можно утверждать, что Восток не просто пассивный объект вестернизации/модернизации, а активный автор формирования всепланетарного человеческого сообщества — цивилизации. И было бы явным упрощением и преувеличением говорить о замене характерологических установок японской или южнокорейской социокультурной общности характерологическими установками евроцентристской техногенной цивилизации. Именно сохранение (в той или иной модифицированной форме) традиционных ценностей и ориентаций позволило Японии, Южной Корее и другим странам Азиатско-Тихоокеанского региона освоить достижения техногенной цивилизации, модернизироваться экономически, не отказавшись от многих черт своей традиционной культуры, а не идти просто по пути вестернизации.

И нет никаких данных, говорящих о том, что множество других незападных стран и народов не могут пойти и не пойдут примерно по такому же пути. Вместе с тем при оценке перспектив демократии нельзя не учитывать следующее обстоятельство. По справедливому замечанию

бразильского политолога Ф.Веффорта, "новые демократии" представляют собой смешанные режимы Смещение или совмещение институтов и норм — вполне обычное явление, поскольку многие режимы, в том числе и традиционно демократические, носят смешанный характер. Так, современные представительные демократии включают элементы прямо» демократии и корпоративизма, являя собой некий институциональный гибрид. "Новые демократии" — это в сущности особые разновидности гибридизации, основанные на сочетании в переходный период демократических институтов, норм и ценностей с авторитаризмом. Но при всем том нельзя не согласиться с тем же Веффортом, по мнению которого гибридные режимы можно считать победой демократии в сравнении с той тоталитарной диктатурой, которую они сменили.

Все это в свою очередь дает основание сделать вывод, что процесс демократизации в странах третьего мира нельзя воспринимать как само собой разумеющийся и однозначно обреченный на успех. Переходный характер новых демократий обуславливает их нестабильность и непредсказуемые результаты. Парадоксом является то, что здесь демократические преобразования осуществляются под руководством лиц, не являющихся демократами "по рождению". Подавляющее большинство тех, кто возглавил преобразования переходного периода, были, так сказать, "инсайдерами" в прежних режимах и обращены в демократическую веру самим переходным периодом. Это Р.Альфонсин и К.Менем в Аргентине, П.Эйлвин и Р.Лагос в Чили, Б.Ельцин и В.Черномырдин в России и др.

Поэтому очевидно, что многие "новые демократии" не застрахованы от опасности: первоначальные восторги по поводу обретенной свободы могут обернуться разочарованием и неприятием демократии широкими слоями населения. Немаловажен с данной точки зрения вопрос о выживаемости и управляемости демократии, ее способности укореняться в том или ином обществе. По-видимому, правы те исследователи, которые предупреждают о возможности возникновения в переходные периоды тупиковых ситуаций и опасности возврата к прошлому. Так, в Турции после проведения первых свободных выборов в 1946 г. демократический процесс три раза (в 1960-1961, 1970-1973 и 1980-1983 гг.) был прерван периодами авторитарного правления. Что касается большинства латиноамериканских стран, то для них это стало почти правилом.

Необходимо отметить, что некоторые страны и народы продемонстрировали свою неготовность к принятию демократии и ее ценностей во всех их формах и проявлениях. Об этом свидетельствует опыт ряда стран третьего мира, где механическое заимствование западных образцов государственности было неудачным и приводило к негативным последствиям. Зримым проявлением негативных последствий попыток ускоренной модернизации на западный лад является дуга нестабильности, протянувшаяся на огромные пространства мусульманского мира от Инда до Средиземноморья и стран Магриба. Объясняется это прежде всего тем, что элементарные административные и управленческие механизмы заимствовались и насаждались без заботы об их органическом интегрировании в национальные традиционные структуры. Первый такой опыт провалился в Иране, где шахский режим Под патронажем США пытался постепенно пересадить на иранскую почву западные политические институты и экономические отношения.

Очевидно, что на поставленный в начале этой главы вопрос о том, движется ли весь мир в сторону демократии, ответ неоднозначный: "да", если речь идет об определенной группе стран, каждая из которых исходит из собственного понимания демократии, но с учетом западного опыта; "нет" если имеется в виду однозначная вестернизация или модернизация на западный лад незападных стран и народов.

Но вместе с тем не следует упускать из виду, что крах и поражение тоталитаризма и авторитаризма не обязательно гарантируют победу демократии. Ряд стран — Эфиопия, Сомали, Таджикистан, Грузия и др. — очутились в пучине глубочайшего кризиса, хаоса и дезинтеграции. Многие страны стали ареной реполитизации и ренационализации этнических групп, что сопровождается оспариванием существовавших до того государственных границ. Начало 90-х годов ознаменовалось резким поворотом после почти двух десятилетий прогресса демократии в Латинской Америке: хрупкая демократия в Гаити пала в результате военного переворота и смещения законно избранного президента Аристида; демократия в Венесуэле, считавшаяся традиционной и крепкой, в результате двух попыток государственного переворота в феврале и ноябре 1992 г. оказалась в кризисе; нечто вроде переворота совершил президент Перу Фудзимора в том же году; в результате острой внутривнутриполитической борьбы со своих постов были смещены президенты Бразилии и Венесуэлы.

Не лучше обстоит дело в исламском мире. Об этом свидетельствует развитие событий в Алжире, где были объявлены не имеющими силы результаты всеобщих выборов и введено чрезвычайное положение. Итогом стали активизация деятельности исламских

фундаменталистов и резкая дестабилизация обстановки в стране. В результате роста фундаментализма к репрессивным мерам вынуждены были прибегнуть власти Туниса и Египта. В Африке весьма хрупкие демократии, установленные в 1991-1992 гг., не выдержали груза экономических и политических неурядиц. В то же время во многих странах вопросы, связанные с переходом к демократии, отходят на второй план под давлением более радикальных вопросов, связанных с искусственным характером государственных границ и трудностями совместного существования различных этнических групп. Взрывы насилия в Сомали, Эфиопии, Анголе, Руанде[^] Либерии и т.д. свидетельствуют о том, с какими, по-видимому, непреодолимыми трудностями сталкиваются африканские народы.

Бедность в этих странах в значительной мере является результатом неспособности их населения воспринимать перемены, идущие извне, конкурировать или играть по правилам, диктуемым мировым сообществом, в котором первую скрипку играют индустриально развитые страны. Демократия и рынок сами по себе могут решить проблемы бедности, культурной и экономической отсталости, некомпетентности, несправедливости и т.д. Они дают лишь шанс, но не готовые рецепты решения стоящих перед той или иной страной проблем и не гарантии такого решения. При оценке перспектив демократий нельзя забывать о том, что некоторых странах Африки и Латинской Америки сравнительно легкой победой так называемых демократических оппозиций над авторитарными или однопартийными режимами способствовало изменение внешних условий. С исчезновением социалистического лагеря и распадом Советского Союза левые авторитарные режимы лишились мощной материальной, идеологической и моральной поддержки. Это в свою очередь освободило Запад от необходимости однозначной поддержки правых авторитарных режимов, которые раньше использовались в качестве заслона на пути проникновения советского влияния. Более того, можно сказать, что нередко эти страны вставали на путь перехода к демократии по сути дела под давлением западных стран — доноров экономической помощи. Сразу после окончания холодной войны правительства этих стран начали открыто обуславливать предоставление помощи принятием развивающимися странами демократических политических режимов и неолберальной политики экономического развития. Такой курс был принят, в частности, ЕЭС в ноябре 1991 г. Он отражал ориентацию всех западных правительств. Составной его частью было включение требования о принятии политического плюрализма, уважении закона и соблюдении прав человека, сокращении военных расходов, реализации программ перестройки экономики и т.д.

Изложенное выше, при всех необходимых здесь оговорках, свидетельствует о том, что для большинства развитых стран и стран, обладающих потенциальными возможностями для вхождения в их число, рыночная экономика и политическая демократия являются или становятся главными формами самоорганизации общества. Но это отнюдь не есть признак какой-то унификации или упрощения жизнеустройства в масштабах континентов, регионов или всего земного шара. Дело в том, что каждая страна, каждый народ выбирает и реализует собственный национальный тип демократии, учитывающий собственные национально-исторические традиции, обычаи, политико-культурные корни и т.д.

Какова бы ни была судьба процесса демократизации, оказывается, что несравнимо легче импортировать институциональные формы либеральной демократии, чем импортировать культурные и эпистемологические значения либерализма и демократии. Повидимому, некоторые страны, в том числе обладающие большим весом и влиянием на международной арене, во всяком случае в обозримой перспективе сохраняют полудемократические или даже откровенно авторитарные формы. Этот момент нельзя сбрасывать со счетов, если иметь в виду перспективу ужесточения правовых и репрессивных мер перед лицом роста терроризма, наркобизнеса и других форм преступности. Поэтому интернационализация и глобализация важнейших сфер общественной жизни при всех возможных здесь оговорках не могут означать политическую унификацию в масштабах всего мирового сообщества.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что вы понимаете под экспансией демократии?
2. Как соотносится демократия с капитализмом и рыночной экономикой?
3. Какое значение имеет для утверждения демократии уровень социального экономического развития?
4. Дайте характеристику демократии как форме народовластия.

5. Существуют ли в незападных культурах элементы, совместимые с демократией?
6. Можно ли считать распространение демократии на Востоке простым перенесением западных институтов в чистом виде?
7. Каковы, на ваш взгляд, перспективы выживаемости демократии в незападном мире?